

С.А. Красильников*

S.A. Krasilnikov*

**Первая волна крестьянской ссылки
в Сибири: расчеты и просчеты
(январь – апрель 1930 года)****The First Wave of Peasant Exile
in Siberia: Calculations and
Miscalculations (1930, January – April)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-7

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-7

УДК 947.084

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Красильников С.А. Первая волна крестьянской ссылки в Сибири: расчеты и просчеты (январь – апрель 1930 года) // Исторический курьер. 2020. № 4 (12). С. 87–110. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-07.pdf>

Krasilnikov S.A. The First Wave of Peasant Exile in Siberia: Calculations and Miscalculations (1930, January – April) // Historical Courier, 2020, No. 4 (12), pp. 87–110. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-07.pdf>

Abstract. The year 1930, marked the beginning of unprecedented forced migrations of the peasant population within an officially non-war country, is now recognized by most professional historians as the part of the strategy of the forced transfer of governing institutions and the Soviet population to a mobilization regime of functioning, which was necessary for radical solution of the ‘agrarian and peasant question’ for state accelerated modernization. The segregation of the peasantry into ‘useful’ (collective farmers) and ‘alien’ (‘kulak’) groups that required punitive withdrawal is presented in expert assessments as inevitable losses, ‘concomitant’ to this ‘socialist’ type of modernization. Meanwhile, such a position (‘no other was given’) leaves outside the scope of problems a number of key issues such as the causes, factors and motives of behavioral reactions of managerial bodies that solved extreme problems by extreme means, thereby creating the extreme consequences of decisions made. This publication is devoted to consideration of a number of unanticipated consequences of deliberate political decisions by the central and regional authorities regarding the ‘kulak issue’ in Siberia in 1930. It is proved that previously operating in the 1920s ordinary economic (voluntary and state-encouraged resettlement) and geopolitical (strengthening borders and resettlement of “unreliable populations”) causes of migration underwent radical destructive deformations under the influence of doctrinal, social and repressive factors in the early 1930 (the policy of “eliminating the kulaks as a class”). The deportation campaign caused unpredictable consequences for the authorities (“dekulakization”, accompanied by the destruction and plunder of a significant part of economic potential of the village, generated a response of protest resistance from the peasantry; repression revealed inconsistency and inter-agency conflicts during the expulsion and resettlement of special settlers, which led to mass mortality rate and escapes).

Keywords: social tension; radicalization; “The elimination of the kulaks as a class” (dekulakization); plans; unanticipated consequences.

The article has been received by the editor on 28.06.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. 1930-й год, положивший начало беспрецедентным по масштабам принудительным миграциям крестьянского населения внутри формально не воевавшей страны, признается ныне большинством профессиональных историков частью стратегии форсированного перевода институтов власти и основной массы населения СССР в мобилизационный режим функционирования, необходимый для радикального решения «аграрно-крестьянского вопроса» в интересах ускоренной модернизации страны. Само же сегрегирование

* **Красильников Сергей Александрович**, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: krass49@gmail.com

Krasilnikov Sergey A., Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: krass49@gmail.com

крестьянства на «полезные» (колхозные) и «чуждые», требующие карательного изъятия («кулацкие») группы в экспертных оценках представляется как неизбежные, «сопутствующие» данному «социалистическому» типу модернизации потери. Между тем подобная позиция («иного не было дано») оставляет за рамками проблематики ряд ключевых вопросов о причинах, факторах и мотивах поведенческих реакций управленческих органов, решавших экстремальные задачи экстремальными средствами, создавая тем самым экстремальные же последствия принимавшихся решений. Данная публикация посвящена рассмотрению ряда непреднамеренных последствий преднамеренных политических решений центральной и региональной властью «кулацкого вопроса» в Сибири в 1930 г. Доказывается, что ранее действовавшие в 1920-е гг. ординарные экономические (добровольные и поощряемые государством переселения) и геополитические (укрепление границ и отселение от них «неблагонадежного населения») причины миграций подверглись в начале 1930 г. радикальным деструктивным деформациям под воздействием доктринальных, социальных и репрессивных факторов (политика «ликвидации кулачества как класса»). Депортационная кампания вызвала непредсказуемые для власти последствия («раскулачивание», сопровождавшееся уничтожением и расхищением значительной части экономического потенциала деревни, породило ответное протестное сопротивление крестьянства; репрессии выявили рассогласованность и межведомственные конфликты в ходе высылки и расселения спецпереселенцев, повлекшие за собой массовую смертность и побег).

Ключевые слова: социальная напряженность; радикализация; «ликвидация кулачества как класса»; планы; непредвиденные последствия.

Девяносто лет назад, на рубеже конца 1929 – начала 1930 г. большевистское руководство директивно объявило о «революционных» преобразованиях в деревне, которые предусматривали радикальное решение аграрно-крестьянского вопроса в стране путем осуществления во взаимосвязи двух задач: «проведение сплошной коллективизации и на этой основе ликвидация кулачества как класса». Данное социально-политическое действие заняло в своей самой острой и активной фазе около трех лет (1930–1932) и завершилось вначале стабилизацией на нижнем уровне охвата крестьянских хозяйств формами производственной кооперации с последующим ростом доли колхозного сектора в деревне до условно принятого показателя (охвата не менее половины крестьянских хозяйств). Вторая («ликвидационная») составляющая была осуществлена в более сжатые сроки: две основные депортационные операции (волны) прошли в 1930 и 1931 г., и в последующие годы (1932–1933) уже не имели жесткой связи с реализацией планов «коллективизации». Многие современники событий, от руководителей страны до непосредственных их участников, имели сходные позиции в том, что вошедшие в историческую лексику через директивный язык радикальные явления, названные эпохой «Великого Перелома», по своему значению и последствиям для населения страны и институтов власти сравнивались с Октябрьской революцией 1917 г. Данная статья посвящена рассмотрению оставшегося пока вне исследовательской разработки аспекта возникновения идеи и начального этапа реализации планов крестьянской ссылки в сибирском регионе с позиций установления причин и характера разрывов между целями и их практической реализацией. Работа выполнена на эмпирической базе, содержащейся в вышедших в различные годы при участии автора серийных документальных научных изданиях. Часто встречающиеся в тексте заковыченные слова и словосочетания связаны с тем, что они относятся к т.н. советскому новоязу, обойтись без которого невозможно, равно как и перевести их на научный язык в большинстве случаев также невозможно. Термины «хозяйство» и «семья», встречающиеся в документах как синонимы, равно как и «экспроприация» и «конфискация», употребляются в таком же значении и нами.

В советской историографии, производной и зависимой от идеологии, не могло быть иных оценочных суждений, нежели доказательств правомерности и прогрессивности осуществленной в 1930-е гг. политики «коллективизации и раскулачивания». Однако уже в конце

1980-х гг. появились и альтернативные оценки, утвердившиеся в 1990-е гг., означавшие полный пересмотр стереотипов советской пропаганды и историографии, сущностно и содержательно обозначив «Великий перелом» в деревне как принудительную коллективизацию и репрессивное раскрестьянивание. При всех оттенках мнений и оценок в среде специалистов – крестьяноведов и историков, изучающих экономику, социальную структуру и репрессивную политику данного периода, нет принципиальных расхождений в том, что экстремальная ломка аграрного сектора экономики и крестьянского социума осуществлялась радикальными, внеэкономическими, административно-репрессивными технологиями и методами, реализация которых привела к громадным по масштабам и последствиям негативным результатам. Однако дальше возникает ряд дискуссионных вопросов в трактовках правомерности и объективной обусловленности данных процессов, когда центром выступает проблематика альтернативности сталинскому курсу (о путях и возможностях решения аграрно-крестьянской проблемы в конкретной ситуации), а также о целях и методах осуществления «второй революции в деревне».

И здесь происходит достаточно очевидное разделение исследовательских позиций: коллективизация или создание по сути государственного сектора сельскохозяйственной экономики признается объективной необходимостью, хотя методы ее осуществления, безусловно, носили в значительной мере экстремальный, мобилизационный характер, но результат был в целом достигнут (цель оправдала средства). Иной вектор сложился в оценках т.н. раскулачивания, т.е. правомерности, объективной обусловленности и результативности антикрестьянских репрессий. Специалисты, профессионально занимающиеся данной тематикой, не находят в данной государственной охранительной операции каких-либо объясняющих и тем более оправдывающих (как это прослеживается в сегменте историков-аграрников) ее «историческую необходимость».

Данный водораздел среди исследователей вызывает определенные размышления. Не прибегая к публицистике, отметим, что за этим скрываются действительно различающиеся основания для оценок возможности и необходимости развития кооперативного движения в форме производственных кооперативов. Кооперативное движение достаточно динамично развивалось в стране с начала XX в., и, даже с учетом того, что собственно производственные кооперативы с различным уровнем обобществления в них средств производства и личного труда занимали относительно скромное место, нельзя отрицать, что к концу 1920-х гг. был накоплен разнообразный, как негативный, так и позитивный опыт их существования. При всех кризисных моментах в данном секторе, коммуны, артели и ТПОЗы были определенной реальностью в крестьянском мире.

Следует, однако, иметь в виду, что иначе складывалось и формировалось отношение деревенского населения к потенциальным массовым репрессиям. При наличии и действии социальных конфликтов и противоречий в сельском социуме на протяжении 1920-х гг. следует учитывать, что острота и способы их разрешения в немалой степени зависели не только от аграрно-крестьянской политики партийного государства, но и от сложившихся внутри сельского социума возможностей самоорганизации и саморегулирования для предотвращения перерастания противоречий в экстремальные, разрушительные действия. Иначе говоря, причины для разворачивания репрессий в деревне существовали, однако условия для их масштабной и радикальной реализации зависели от сдерживающих развязывание насилия в деревне факторов (конфискация имущества за долги, дискриминации в гражданских правах становилась определенной реальностью, но ни политики, ни практики полной экспроприации зажиточных крестьянских хозяйств, сопровождавшейся высылкой репрессированных семей из прежних мест проживания в деревне до 1930 г. не существовало).

Исследователи, рассматривавшие генезис и практики идеи специальных переселений как ядра репрессивного раскрестьянивания в целом сходны в том, что эта карательная кампания не вытекала из логики и практик государственной переселенческой политики 1920-х гг. Переселенческие институты того периода, входившие в состав Наркоматов земледелия и его подразделений на местах, а также Всесоюзный переселенческий комитет (ВПК) при прави-

тельстве в разработке своих пятилетних планов вплоть до 1930 г. не предусматривали иных программ переселения, нежели как основанных на добровольной основе и при регулирующей и организационной поддержке государства. Сами масштабы плановых государственных переселений, как аграрной, так и промышленной направленности, рассчитывались, исходя из экономических потребностей власти и социальных интересов вовлеченных в переселения мигрантов. Практически полностью воспроизводилась дореволюционная практика организации переселений и создания условий для адаптации мигрантов в местах нового жительства, включая государственные льготы и дотации, состав переселенческих органов на местах отражал значительную кадровую преемственность работников в сравнении с дореволюционным периодом. Инфраструктура переселений, несмотря на ресурсные трудности, в целом справлялась с потоком не только плановых, но и «самовольных» переселенцев. Таким образом, государство в сфере миграционных движений имело свои приоритеты, выступая, однако, «мягким» регулятором данных процессов.

Даже достаточно интенсивные поиски исследователями того, что могло бы указывать на обсуждавшиеся до 1930 г. в различных правительственных кругах варианты соединения в переселенческом деле двух противоположных принципов – добровольности и принуждения, которые могли дебатироваться в плановых, хозяйственных и даже карательных органах, пока результатов не принесли. На данный момент считается установленным и документально подтвержденным только следующий факт. В 1929 г., исходя прежде всего из геополитических потребностей, государство приступило к подготовке операций по «зачистке» пограничных и приграничных территорий страны от «неблагонадежного» населения («контрреволюционные», «чуждые», социально-опасные элементы» (СОЭ)), что выразилось в ряде решений правительственных органов в октябре-ноябре 1929 г. об отселении от западных границ СССР «опасных» контингентов. Кампанию, по расчетам требовавшую переселения из Западных районов РСФСР, Белоруссии и Украины на Восток в общей сложности до 10 тыс. семей, предполагалось осуществить силами переселенческих органов, но не в репрессивном, а, по выражению известного исследователя депортаций в СССР П.М. Поляна, в «добровольно-принудительном» формате: «отселявшиеся» от границ семьи имели возможность самостоятельно определять места будущего жительства в отведенных для них таежных районах Западной Сибири традиционным путем – посылкой в регион будущего заселения ходоков в целях создания первичных условий для обустройства переселяемых хозяйств. При этом в решениях по данному вопросу особо отмечалось, что переселенческими льготами в составе переселенцев не могли пользоваться «кулацкие хозяйства». Однако в реальности недобровольные переселения (или «полу-высылка»), едва развернувшись в начале 1930 г., когда в Западную Сибирь прибыло несколько сотен семей из пограничных районов Белоруссии, оказались фактически поглощены депортационной волной февраля – апреля 1930 г.¹ Таким образом, пока нет достаточно обоснованных подтверждений того, что переселенческие органы в координации с другими органами, в т.ч. и карательными, имели планы или программы массовых принудительных, недобровольных переселений в восточные районы страны. Очевидно, что подобного рода установка, даже директивная, не ставилась в повестку дня вплоть до 1930 г., что и привело в последующие месяцы к бюрократическо-управленческому хаосу и беспорядку в ходе осуществления первой депортационной волны зимой-весной 1930 г., о чем речь пойдет ниже.

Важно отметить, что здесь предстояло в одной будущей репрессивной кампании соединить практически противоречившие друг другу целевые установки: экономическую целесообразность миграционных процессов под государственным управлением, где требовался учет «цены результата», и карательную, политико-мобилизационную, не связанную с экономической целесообразностью, ресурсным обеспечением, решавшую задачи изъятия, изоляции и особого режима содержания репрессированных групп населения. Тем самым основной причиной того, что переселения как масштабное действие становились «специаль-

¹ Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание / ред. С.А. Красильников. Новосибирск, 2007. С. 7, 87–91.

ными», следует считать политическую. Однако здесь также существует сложность в реконструкции на уровне идеологии и пропаганды как ее инструмента такой установки, как подготовка и обеспечение на практике лозунга «ликвидации кулачества как класса». Так, даже в решениях ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 г., наиболее близко отстоявшего от событий января – мая 1930 г., когда данная директива начинала стремительно реализовываться, при наличии принятой Пленумом весьма объемной и структурированной резолюции о форсированном росте колхозно-совхозного движения, «кулацкий вопрос» не содержал какой-либо установки, кроме констатации того, что колхозное движение «протекает в обстановке обострения классовой борьбы в деревне», в ходе которой «кулачество» помимо прямой и открытой борьбы использует и скрытые формы, «проникая в колхозы», поэтому «партия проводит и будет проводить курс на решительную борьбу с кулаком, на выкорчевывание корней капитализма в сельском хозяйстве»².

Не содержало установочной ясности и выступление И.В. Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. (на тот момент не опубликованное), где он увязал как новую линию руководства переход от «политики ограничения и вытеснения к ликвидации кулачества как класса», назвав это ставшим затем общепринятым термином «раскулачивание», которое «проводится самими бедняцко-середняцкими массами», и «это не есть уже простая административная мера», а «составная часть образования и развития колхозов». К этому Сталин произнес (поскольку это была его речь) фразу, что является «смешным вопросом» о том, проводить ли данную политику в деревне: «Снявши голову, по волосам не плачут»³. Через три недели, 21 января, в газете «Красная Звезда» Сталин в своей статье «К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса» в сжатой форме озвучил то, что он произнес ранее на конференции, дав этому лозунгу следующее объяснение: «Чтобы вытеснить кулачество как класс, надо сломить в открытом бою сопротивление этого класса и лишить его производственных источников его существования и развития (свободное пользование земель, орудия производства, аренда, право найма труда и т.д.) <...>. Это хорошо поняли бедняки и середняки нашей деревни, громящие кулачество...»⁴.

Благодаря серийным публикациям документов, вышедшим в первой половине 2000-х гг.⁵, есть возможность в целом реконструировать механизм принятия депортационных решений в отношении крестьянских семей и их реализацию, относившуюся к событиям первой половины 1930 г., естественно скрытого, конспиративного характера, отражавших реальную (или близкую к реальной) ситуацию во взаимоотношениях государства и деревни, власти и крестьянства в данный период по конкретному вопросу: крестьянской высылке, ставшей массовой ссылкой.

Документы, помещенные в данных сборниках, хотя и зачастую выборочно, позволяют получить достаточное представление о важнейших составляющих принятия депортационных решений и ход их осуществления – мотивы, оценка ситуации, возможные варианты решения проблемы, институциональная основа, ресурсная база, акторы/исполнители, имеющийся у принимавших решения опыт их реализации (прямой или опосредованный), коррективы, вносимые в ход осуществления спланированных действий, возможность привлечения и использования как сторонников осуществляемых решений, так и вовлеченных в их реализацию слоев и групп населения и другие аспекты депортационной кампании 1930 г.

Крайне важным для начала данной кампании являлся уровень понимания сложности самой, предпринимаемой впервые и в столь значительных масштабах, репрессивной акции в деревне не только на верхнем уровне партийной власти, но и в кругах региональных руководителей, на которых ложилась основная ответственность за исполнения директивных указаний Центра. В начале декабря 1929 г. Политбюро создало комиссию для разработки

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Ч. II. 1925–1953. С. 523, 525.

³ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11. М., 1939. С. 293.

⁴ Там же. С. 298.

⁵ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы. 1927–1939: в 5 т. М., 2000. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930.; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. М., 2005–2006.

вопросов форсирования коллективизации, в составе которой выделялись подкомиссии для решения отдельных сторон проблемы, в т.ч. подкомиссия «по вопросу о политике в отношении кулаков в районах сплошной коллективизации», которую возглавил секретарь МК ВКП(б) К.Я. Бауман с участием представителей СНК РСФСР, Наркомзема и Колхозцентра. Не позднее середины декабря (точной датировки нет) указанная подкомиссия представила в Политбюро свои предложения. Основные положения, если отбросить в сторону идеологическое их сопровождение, сводились к следующему: экспроприация всех средств производства у кулачества с передачей их в неделимые фонды колхозов. Однако возникает вопрос о «людском составе кулацких хозяйств» (не менее 5–6 млн чел.); «безнадежно пытаться решить кулацкую проблему выселением всей массы кулацкого населения в отдаленные края», нужна дифференцированная тактика (арест активной контрреволюционной части, выселить (переселить) сопротивляющуюся часть и «использовать, по всей вероятности, большинство кулацкого населения как рабочую силу в колхозах при контроле над ним и при условии подчинения и исполнения всех обязанностей члена колхоза»⁶.

О реакции секретарей региональных обкомов и крайкомов партии, получивших информацию и возможность высказаться о ней, можно было судить по записке секретаря Центрально-Черноземной области (ЦЧО) И.М. Варейкиса, направленной 15 декабря в адрес председателя общей комиссии Политбюро Я.А. Яковлева, где содержалась весьма жесткая позиция по «кулацкому вопросу»: в районах сплошной коллективизации «ни под каким видом нельзя допускать кулаков и чуждые элементы во вновь организуемые колхозы»; к кулакам применять методы выселения за пределы района или переселения на самые отдаленные и худшие земли в районе, но и не допускать образования кулацких поселков; злостных кулаков лишать земли⁷.

18 декабря комиссия Я.А. Яковлева представила на рассмотрение Политбюро проект предложений «о темпах коллективизации», где «кулацкий вопрос» сохранялся пока в той же форме, которая исходила от подкомиссии (прямая конфискация средств производства у данных хозяйств в сочетании с мерами высылки сопротивлявшихся коллективизации хозяйств из мест проживания по постановлению сельских сходо и сельсоветов, но с допущением на определенных условиях части членов кулацких семей в колхозы)⁸. Выступая 21 декабря с докладом о работе комиссии Яковлева на бюро Средне-Волжского крайкома партии М.М. Хатаевич представил дополнительную аргументацию в пользу того, почему невозможно в сложившихся условиях решить одним ударом судьбу «7–8 млн душ населения, всех не переселишь, а действовать по отношению к ним мерами ГПУ тоже невозможно». Хатаевич считал разумным путь включения основной массы кулацких хозяйств после экспроприации их имущества в колхозы: «...тогда они пойдут на это без сильного сопротивления. Если же сейчас это провести немедленно, то сопротивление в данный момент со стороны кулачества будет, несомненно, более сильное»⁹.

Однако в дальнейшем ситуация вокруг проекта решений комиссии Я.А. Яковлева сложилась иная. В переписке с В.М. Молотовым И.В. Сталин посчитал проект «неподходящим», а Молотов усилил эту характеристику тем, что в нем есть «фальшивые ноты»¹⁰. 3 января 1930 г. Яковлев представил доработанный документ с учетом сталинских рекомендаций, где «кулацкая проблема» решалась уже в формате, ставшем в последующем ядром прочих решений: «Кулака в колхозы не пускать, применяя в отношении его в районах сплошной коллективизации... конфискацию кулацких средств производства с передачей их в неделимые фонды колхозов, отвод кулакам отдаленных и худших земель, выселения из районов злостно-кулацких элементов и т.п.»¹¹. Следует отметить, что в официально принятом 5

⁶ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 39–40.

⁷ Там же. С. 50.

⁸ Там же. С. 66.

⁹ Там же. С. 72.

¹⁰ Там же. С. 75–76.

¹¹ Там же. С. 77.

января 1930 г. и обнародованном постановлении ЦК данный пункт не фигурировал вообще, что означало: дальнейшее развитие и конкретизацию данного решения требовалось осуществлять в секретном порядке.

15 января теперь уже под председательством Молотова начала работу новая комиссия Политбюро, в рамках которой в течение недели работала подкомиссия (рук. И.Д. Кабаков, секретарь Уральского обкома), основной задачей которой стала разработка директивы осуществления репрессий в деревне в отношении «кулачества». Здесь впервые появилась разработка, где проведение дифференцированных карательных мер применительно к различным его группам увязывалось с организационно-техническими действиями по их реализации. Выделение трех категорий (первая – арест с последующими внесудебными приговорами, вплоть до расстрела; вторая – высылка вместе с семьями в необжитые районы страны; третья – внутриокружное/внутрирайонное переселение) сопровождалось установками того, откуда и куда высылать «кулацкие элементы» ориентировочно численностью до 100 тыс. семей. Для второй категории хозяйств использовался термин «выселение/высылка», для третьей – «расселение». При этом в отношении «расселяемых» хозяйств допускалось и «добровольное переселение» их на худшие земли, но при этом с обязательным использованием их на хозяйственных работах, т.е. помимо сельского хозяйства применение их труда на лесозаготовках, дорожном строительстве и т.д. Во всех случаях в качестве шага, сопутствующего репрессиям, предусматривалась конфискация имущества «кулацких элементов». Запрещалось «самовольное» их переселение. Определялись конфискационные принципы (что изымать и что оставлять репрессированным, куда направлять их имущество и средства и т.д.)¹². Та же подкомиссия считала основным принципом размещения для высланных в другие регионы хозяйств поселки под особым управлением, рекомендуя тот же «поселочный» принцип и в отношении «кулаков» третьей категории. Представленные в Политбюро 23–25 января 1930 г., данные предложения легли в основу главного директивного документа: секретного постановления ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором, однако, уже содержались новые «контрольные цифры» на высылку «кулаков второй категории» в отдаленные районы страны – не 100 тыс., а 150 тыс. семей¹³.

В тот же день, помимо данной директивы, Сталиным от имени ЦК региональным партийным руководителям была направлена еще одна директива, отразившая сам факт уже начавшегося, не санкционированного Центром «раскулачивания» на местах, получившего оценку как «голое раскулачивание»: «...организации в ряде районов бросили дело коллективизации и сосредоточили свои усилия на раскулачивании <...> ЦК указывает, что политика партии состоит не в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения, результатом и частью которого является раскулачивание»¹⁴.

Сама констатация опасности для институтов власти всех уровней именно «голового» насилия в отношении репрессированных групп крестьянского населения свидетельствовала о том, что управленческие структуры входили в экстремальную стадию «раскулачивания» как кампании по сути военно-мобилизационного характера, рассчитывая на внезапность «удара», в ходе которого в приоритетном порядке прорабатывались аспекты карательного порядка: руководство ОГПУ получило партийную директиву о подготовке арестов и депортаций не позднее 11 января, после чего в течение примерно десяти дней получало информацию от своих полпредов из регионов и разрабатывало планы арестов и высылки, включая и организационно-ресурсные аспекты. Именно поэтому (и неслучайно) в качестве особых пунктов постановления ЦК от 30 января ряд из них предусматривал особые полномочия ОГПУ для проведения операции в деревне во внесудебном и ускоренном порядке, увеличение штатов организации, выделение сметы расходов по высылке и т.д. Из всех предстоявших действий именно карательные мероприятия оказывались наиболее

¹² Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 118.

¹³ Там же. С. 127–130.

¹⁴ Там же. С. 131.

технологически обозначенными, тогда как другие организационно-управленческие решения (особенно те, что касались координации действий межведомственного характера с функциями и их разграничением между центральными и региональными органами, между партийными, советскими и хозяйственными структурами в ходе осуществления будущих депортаций) оказывались не проработанными, хотя именно от этих взаимоувязок зависело достижение ожидаемого результата – «раз и навсегда сломать хребет кулаку» (выражение Г.Г. Ягода в записке руководству ОГПУ от 11 января 1930 г.)¹⁵.

Следует отметить, что, как можно выяснить из опубликованных ныне документов, наиболее осведомленными о проблемах, могущих возникнуть в ходе проведения карательной операции, выступали чекисты (республиканские и региональные руководители). В частности, зам. председателя ГПУ Украины К.М. Карлсон в своей докладной записке руководству ОГПУ от 13 января указывал на ряд больших трудностей, к числу которых относил следующие: малочисленность периферийного чекистского аппарата, отсутствие необходимых пере-сылных пунктов, заминки с транспортом, недостаток денежных средств, эксцессы при экспроприации и высылке семей, сжатость сроков подготовительной работы. Особо отмечалась необходимость компенсировать недостаток чекистских кадров привлечением из города партийных сил¹⁶.

Однако главным и основным фактором, не просто корректировавшим, а ломавшим по сути все форсированно намеченные планы данной операции, чекистское руководство обозначило уже шедшие на местах «стихийные выселения кулаков и изъятие их имущества» (из директивы зам. пред. ОГПУ С.А. Мессинга полпредам ОГПУ от 25 января 1930 г. с требованием согласовать с партийным руководством регионов «организованное проведение кампании»)¹⁷.

Частичная, но, как считалось, временная утрата контроля и управления осуществления репрессивной политики в деревне порождалась самими условиями и практиками деятельности управленцев всех уровней, и партийных, и советских, и хозяйственных органов в экстремальных условиях взрыва протестного поведения значительных слоев сельского населения, с которыми власть ранее в столь значительных масштабах не сталкивалась со времен завершения Гражданской войны. По канонам марксизма для дореволюционных условий в России считалось, что в деревне разворачивались две взаимосвязанные социальные войны: общекрестьянская война против государства и война внутри крестьянства («низы» против «верхов»). В 1930 г. инициированная, и, как казалось властям, управляемая «вторая социальная война» «деревенской бедноты против кулачества», которая должна была обеспечить быстрое и результативное «раскулачивание», вызвала на практике практически не ожидавшуюся партийным руководством в таких формах и масштабах «первую социальную войну» деревни против города, названную в формате пропагандистского эвфемизма «ожесточенным кулацким сопротивлением» или «острой классовой борьбой в деревне». Высылки с конфискацией имущества и не только «кулацких» семей в сочетании с закрытием церквей и арестами священнослужителей, также принуждение при вхождении в колхозы под угрозой репрессий спровоцировали на практике не только стихийное, но и организованное сопротивление значительных слоев крестьянства проводимой политике в деревне.

Концентрированным выражением «перегибов» и явилось то, что Сталин определил понятием «голое раскулачивание», которое повсеместно использовалось как инструмент создания коллективных хозяйств, при котором социально-психологическая установка реванша деревенских «низов» в отношении «кулачества» принимала иррациональные формы и масштабы своего проявления, хотя местное руководство обосновывало «раскулачивание» рациональными действиями (предвосхитить/пресечь забой скота в деревне и другие каналы «самораскулачивания», т.е. ликвидация «кулаками» своего имущества, стихийное бегство их из мест своего проживания и т.д.). Между тем иные, не столь экстремальные меры (следует вспомнить начальную версию «декабрьских» предложений

¹⁵ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 104.

¹⁶ Там же. С. 115.

¹⁷ Там же. С. 142.

при обсуждении «кулацкого вопроса» в ЦК о том, что вхождение в колхозы семей «кулаков» после конфискации у них имущества может предотвратить протестный взрыв в деревне) власти теперь даже не рассматривали.

Следует учитывать, что повышенный уровень конфликтности и нетерпения при осуществлении «раскулачивания», проводившегося мобилизационно-кампанейскими методами, усугублялся также и тем, что оно во времени наложилось на две традиционные для начала каждого календарного года «хозяйственно-политические кампании» в деревне: завершение хлебозаготовок и подготовка к проведению весенней посевной кампании. Как форсированное создание колхозов, так и репрессии в деревне по темпам и срокам их проведения в значительной мере детерминировались тем, чтобы провести обе мобилизационные кампании до начала весеннего сева. Об этом достаточно определенно высказался главный руководитель депортационной операции Г. Ягода в своем указании аппарату ОГПУ 11 января 1930 г.: «Если мы быстрым, решительным ударом, как во время хлебозаготовок, не нанесем удара, мы к моменту весенней посевной кампании будем иметь ряд сплошных восстаний и срыв кампании. Нам необходимо до марта-апреля расправиться с кулаком...»¹⁸

Примечательно, что в установке «беспощадности» в отношении «кулаков» чекистский руководитель ничем не отличался ни от партийных, ни от советских функционеров как в Центре, так и на местах. Атмосферу всеобщей нетерпимости к «кулачеству» как первопричине всех сложностей и срывов сроков коллективизации деревни, контрактиции поставок продукции животноводства, обеспечения посевной кампании семенами, сложной и простой техникой и др. весьма рельефно передает стенограмма совещания секретарей окружкомов при Сибкрайкоме партии, проходившего в Новосибирске 30–31 января 1930 г. под председательством Р.И. Эйхе. Последний, открывая совещание, заявил, что помимо вопросов о подготовке к весенней посевной кампании, ходе коллективизации и работе с беднотой предложил обсудить «вопрос о подготовленности наших организаций по проведению экспроприации средств производства у кулака, насколько они подготовлены к такой работе...»¹⁹

Практически все выступавшие секретари парторганизаций 17 округов Сибири, а также представители краевых партийных и государственных структур, естественно, касались данного вопроса. Выделялась доминирующая позиция – «покончить с кулаком» в кратчайшие сроки, поскольку данный процесс уже идет и может принять неуправляемый характер, что в подтексте содержало требование – срочно дать партийную директиву. В то же время выявился спектр позиций в обсуждении не столько цели кампании, сколько методов и форм проведения «раскулачивания» в крае. И в данном случае, возможно, расхождение мнений по организационно-техническим, ресурсным аспектам репрессий в деревне позволяет в известной мере реконструировать тем самым определенную неуверенность и номенклатурный страх перед непредвиденными и самыми негативными последствиями данных мер. Если несколько редуцировать позиции региональных управленцев, выделялись три типа восприятия и понимания того, что уже происходило в деревне и ожидалось в будущем в ходе «раскулачивания»: приверженцы доктрины «ликвидации кулачества», не считавшиеся ни с какими издержками; сторонники «локального» прагматического решения вопроса («конфисковать и выслать» с территории руководимых ими округов); наконец, сторонники более взвешенного подхода, учета того, что будет впоследствии, после кампании экспроприаций и высылки. Нельзя не заметить, что, хотя никто не ставил под сомнение «генеральный курс» в данном вопросе, однако водораздел между исполнителями директив как минимум проистекал от территориального положения того или иного округа Сибири, где одни регионы являлись главным образом выславшими «кулацкие» хозяйства вовне (юго-западные округа), а другие, напротив, должны были преимущественно стать местом приема и расселения последних (северо-восточные).

Выступавший первым секретарь Новосибирского окружкома М.В. Зайцев был категоричен: конфисковать у «кулаков» все орудия и средства производства, оставив им только

¹⁸ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 104.

¹⁹ Коллективизация сибирской деревни. Январь – май 1930 г.: сб. док-тов. Новосибирск, 2009. С. 17.

утварь и вещи для личного употребления, и «они выселяются из всех этих сел, районов и округов в подходящие места – на север, затем на массовые, черновые и не ответственные работы, а наиболее злостные, активные – в концлагеря». В качестве примера того, как уже «раскулачивание» происходит, он привел пример Новосибирского района (фактически пригородного), где 400 хозяйств на конец января полностью экспроприированы (2,8 % от общего числа крестьянских хозяйств района). Зайцев пояснил, что секретари других районов округа (всего в округе 15 районов) требуют «не задерживать это дело» вследствие массовой ликвидации «кулаками» своего имущества и выезда из сел, требуют «дать конкретную программу действий». Далее Зайцев вдруг заговорил о том, что парторганизации оказываются в ненормальном положении: «...в Индерском районе проведена полная экспроприация как революционный акт, не считающийся с существующими формальными законами, прямо были экспроприированы кулаки в одном селе – Довольном, по-видимому, в некоторых других. На этой почве могут быть значительные ляпсусы». Предположив, что кампанию «раскулачивания» следует провести за два месяца, он добавил, что «практическое решение здесь будет зависеть от наших хозяйственных возможностей (сможем ли мы в течение двух месяцев всех кулаков выселить, устроить и проч.)»²⁰.

В чем заключались «ляпсусы», о которых в неопределенной, завуалированной форме заявил М. Зайцев, на следующий день, 31 января, в своем выступлении обозначил Р.И. Эйхе, ознакомившись с оперативной информацией ПП ОГПУ о том, что происходило в это время в ряде сел Индерского района, где в явственной для власти форме проявился общекрестьянский протест. В качестве исходной точки он опирался на информацию секретаря Индерского райкома, отправленную в окружком, Зайцеву о том, как в районе проводится экспроприация «кулаков»: райактив вначале проявлял некоторую нерешительность, опасаясь осложнений, «но потом все согласилось, что иначе и быть не может. Сегодня уже имеем первый опыт проведения экспроприации. В с. Довольном на собрании было больше ста человек... Это собрание по активности, по организованности и по классовой ненависти к кулакам было небывалым. Собрание постановило экспроприировать 11 кулаков (самую головку), а у остальных имущество взяли на учет. Тут же на собрании разбились на бригады, выделили старших бригадиров и пошли отчуждать имущество. Имущество отчуждали все, за исключением вещей личного употребления, отбирали в пользу колхозов. Из 11 кулаков только трое сопротивлялись и не хотели выходить из домов, просили оставить на день или два, но беднота не разрешила, и они выбрались... В этот же день в дома кулаков перешли середняки и колхозники, под ответственность которых сдано имущество... Сегодня, завтра и послезавтра лозунг экспроприации, вероятно, проведут в жизнь все селения»²¹.

Далее Р.И. Эйхе сообщил, что данная информация об успехах экспроприации является «скверным очковитирательством» и зачитал присутствующим спецсводку ПП ОГПУ по Сибкраю о событиях в ряде мест Индерского района: в с. Комарье и Согорное с 27 января в течение нескольких дней шли открытые протестные выступления, направленные против проведенных в данных селах конфискации имущества «кулаков». В отличие от «благостной» информации партийного секретаря о том, что все происходило при одобрении и участии в данных акциях значительной части бедняков и середняков, по спецсводке, события в селах района происходили совершенно иначе. Так, в с. Комарье после решения на собрании бедноты о конфискации имущества у 22 хозяйств в ходе ее проведения собралась толпа до 500 человек и не допустила ее проведение. Названный в сводке «массовой волынкой» протест продолжался несколько дней, в селе не работали все местные учреждения. В село выехала группа районных руководителей и милиция. Произведены аресты 13 человек. В с. Согорное волнение на почве конфискации имущества у 6 «кулаков» развивалось даже более драматично для власти, где из села были изгнаны приехавшие представители районных органов, «волынка» продолжалась три дня. Аресту подверглось 7 чел. «Массовая волынка» с требованиями не допустить конфискацию имущества и высылку «кулаков» прошла и в соседнем селе

²⁰ Коллективизация сибирской деревни... С. 22–23.

²¹ Там же. С. 426.

Озерки²². По сведениям ОГПУ, в Индерском районе к началу февраля экспроприации имущества подверглись с последующей высылкой из района 90 хозяйств. В наступившем хаосе местные власти приняли самое «простое» решение о высылке их из района. Куда – об этом можно судить по последующей спецсводке: «В с. Каргат из Индерского района прибыли выселенные из такового экспроприированные кулацкие хозяйства в целях найти место для жительства. Ввиду того, что и в Каргатском районе тоже вынесено решение об экспроприации и высылке своих местных кулаков, районные организации не знают, как им поступить». В сводке сделана помета: «За приехавшими кулаками ведется наблюдение, взяты на учет»²³. Учитывая то, что организованная властью высылка из районов Новосибирского округа началась только в конце февраля, т.е. почти через месяц после описываемых событий в Индерском районе, приведенная информация свидетельствовала о растерянности местных органов, встретившихся с массовыми крестьянскими протестами, ответивших на это лихорадочными высылками «в никуда» и репрессиями по отношению к выявленным «организаторам волынок»: «особой “тройкой”» ПП ОГПУ по Сибкраю 28 из 44 арестованных жителей сел Комарье и Согорное были приговорены к расстрелу²⁴.

Следует отметить, что такая доля расстрелянных (около 2/3 от числа арестованных) была сверхвысокой: по статистике ОГПУ среди арестованных органами в 1930 г. доля приговоренных к расстрелу составляла 10,6 %²⁵. Можно предположить, что расстрелы даже не за вооруженное сопротивление или «теракты» против представителей местной власти, что впоследствии будут происходить в Сибири, а за организацию «массовой волынки» без использования насилия в отношении местных функционеров были для жителей двух сел своего рода расплатой власти за кратковременную утрату своих позиций (три дня безвластия), когда впервые это произошло. Отчасти готовность власти идти на крайние меры для подавления протестных выступлений в деревне продемонстрировал в своем выступлении на упомянутом совещании 31 января 1930 г. Р.И. Эйхе: «Как поступать с кулаком, у которого изъяли средства производства, что с ним делать дальше. Мы считаем, что определенное количество махровых кулаков <...> должно быть немедленно изъято и направлено в концентрационные лагеря (Голос с места: А зачем, можно расстреливать). Слово расстрел – такое слово, которым не шутят. Когда нужно будет стрелять, то, мне кажется, здесь в крайкоме вегетарианцев нет, и мы не постесняемся расстреливать <...>. Правде надо смотреть прямо в глаза, и нам придется, мне кажется, небольшое количество кулачья перестрелять, прежде чем мы окончательно сломаем ему хребет»²⁶.

Каждый из выступавших на совещании секретарей окружкомов, говоря о необходимости «удара по кулаку», приводил свои аргументы. Так, Горбунов (Барабинский округ) делал акцент на то, что в округе, животноводческом по своей специализации, конфискация и высылка «кулачества» призвана остановить массовый забой скота (арестовано около 200 «кулаков за агитацию за разбазаривание, это имело свое влияние <...>»²⁷. Гредель (Бийский округ): «Мы тут представляем так себе, что в районах сплошной коллективизации и в селах мы у кулаков забираем абсолютно все. Мы берем дома, даже самые плохие хибарки, а злых кулаков мы выселяем в административном порядке (Тов. Эйхе: куда?) Есть у нас известные лагеря (тов. Эйхе: Где это у Вас?) Не у нас, а в крае, Туруханске, Нарыме»²⁸. Рудаков (Минусинский округ): в селах, переходящих на сплошную коллективизацию, помимо конфискации имущества «кулаков» бедняцко-середняцкая масса требует их выселения. «Мы дали директиву о ликвидации кулачества путем применения существующих законов, но нарастающие требования экспроприировать кулака нужно как-то оформить, договориться по этому вопросу и сделать это как можно быстрее. <...> Вопрос о выселении надо разработать,

²² Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г.: сб. док-тов. Новосибирск, 1992. С. 124–128.

²³ Там же. С. 130.

²⁴ Наша малая родина. Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921–1991. Новосибирск, 1997. С. 36–37.

²⁵ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 809.

²⁶ Коллективизация сибирской деревни... С. 168, 171–172.

²⁷ Там же. С. 25.

²⁸ Там же. С. 59.

чтобы организованно выселять кулака, так как допускать в этом отношении местные мероприятия (кто, куда и как хочет выселять), мы, конечно, не можем»²⁹.

В иной тональности звучали выступления тех секретарей окружкомов, которые уже имели опыт работы в краевых органах (И.С. Нусинов (Томский округ), В.Ф. Шарангович (Иркутский округ)), а на тот момент возглавляли парторганизации округов, где предстояло, помимо решения проблемы со «своими кулаками», принять «внешних кулаков». Данные округа были отнесены к регионам «второй очереди сплошной коллективизации», поэтому не были охвачены стремлением большинства участников совещания немедленно «раскулачить и выселить кулаков». И.С. Нусинов сделал акцент на то, что «часть партийного актива не представляет себе со всей отчетливостью <...> исключительное значение того поворота партийной политики, который мы сейчас осуществляем». Далее он добавлял, что актив, «и что особенно тревожно, – не представляет себе в должной мере всех тех трудностей, с какими мы завтра же столкнемся, какие мы уже сегодня начинаем испытывать»; требуется создать «серьезные положительные предпосылки для практического осуществления лозунга партии о ликвидации кулачества как класса <...>, неудовлетворительно дело обстоит с подготовкой наших организационно-политических позиций в деревне». Говоря о слабости позиций власти в деревне Нусинов предполагал, что данный курс встретит сопротивление не только части деревни, но и деревенских партийцев. Затрагивая проблему «сплошной экспроприации всего кулачества», Нусинов предложил подумать о двух вариантах: «<...> или мы выселяем только из районов сплошной коллективизации, а остальным экспроприруемым кулакам предоставляем возможность саморасселяться, или мы всех расселяем. Мне кажется, что и политически, и экономически нам выгоднее организовать это дело, ибо, это, правда, возлагает на нас некоторые обязательства по отношению к ним, обязательство кормить их, может быть плохо, но все-таки кормить, но зато это нас страхует от целого ряда чрезвычайно больших накладных расходов, дорогостоящих, которые каждый оставшийся кулак принесет для нас в деревню, экспроприруемый кулак в особенности»³⁰.

Позиция Нусинова о степени подготовленности к «перелому» политики в деревне как партийных деревенских «низов», так и партийной номенклатуры вызвала неприятие той части секретарей, которые придерживались точки зрения о непререкаемости «генеральной линии». Секретарь Кузнецкого окружка М.С. Икс в достаточно полемической форме выстроил логику опровержения по сути «капитулянтской» точки зрения Нусинова о неподготовленности партийных структур к осуществлению лозунга «ликвидации кулачества»: «Если авангард не подготовлен, значит и класс не подготовлен, а если класс не подготовлен, то не преждевременен ли этот лозунг?». Отвечая, что у партии за последние два года накоплен опыт борьбы с «кулаком», Икс дальше добавлял: «Если говорить о неподготовленности, речь может идти о неорганизованном раздевании кулака, не о неподготовленности масс, а о нашей неподготовленности, неподготовленности руководителей. Установок, кто должен экспроприировать, кого экспроприировать и что экспроприировать, таких установок нет пока». Но затем Икс вдруг по сути дополнил размышления Нусинова о возможном ходе развития событий в деревне, обозначив едва ли не главную опасность при «раскулачивании»: «Я убежден, что наша организация не только подготовлена, чтобы раздевать кулака, я опасюсь иного, что кое-где, снимая с кулака полушубок вместе со штанами, нечаянно снимут пиджак с середняка. Я думаю, что эта опасность есть, и для нас выгоднее оставить кое-где одетого кулака, чем получить раздетого середняка <...>, я считаю, это политически опаснее для нас»³¹.

Оба выступления не просто привлекли к себе внимание, но и заставили остальных выступавших так или иначе касаться затронутых Нусиновым и Иксом «соблазнов» простых решений «кулацкого вопроса» и опасностей, способных при этом возникнуть. Р.И. Эйхе пришлось встать на сталинскую позицию, когда «голое раскулачивание» определялось как «левый уклон», тогда как осторожность и гибкость при конфискациях и высылках «кулаков»

²⁹ Коллективизация сибирской деревни... С. 83–84.

³⁰ Там же. С. 69–73.

³¹ Там же. С. 117–119.

воспринимались как «правый уклон». Впрочем, он был уверен, что «основные колебания будут направо», поскольку «правый уклон» «внутри нас может вселить неверие, размагничать наши ряды»³². Если учитывать, что практически все из выступавших неоднократно оперировали термином «мобилизация» в различных контекстах, то очевидно преобладание общего настроения – получить «ликвидационную» директиву, не задумываясь и не обсуждая неизбежные экономические, социальные и политические издержки. Собственно, сами краевые руководители не сдерживались в своих оценках методов борьбы с «кулаком». Своего рода характерная проговорка прозвучала в выступлении зам. пред. Крайисполкома И.М. Воронина: «В Сибири у нас кулаков столько-то, и тут же встает вопрос о их семьях – взрослых, трудоспособных и, наоборот, нетрудоспособных. Все они заядлые враги социализма». В неправоленной стенограмме Воронин упоминал и о малолетних в составе семей, что отражало типичное представление о том, что «кулачество» – наследственный признак как дополнительный аргумент в пользу высылки всех членов семьи, отнесенной к «кулацкой»³³. Р.И. Эйхе в подражание Сталину сравнивал поворот партийной политики в деревне с Октябрьской революцией: «Мы ставим перед собой задачу ликвидировать 5 % хозяйств. Абсолютное количество по Сибири составляет около 100 тыс. хозяйств, а по Союзу составит около 8 миллионов кулаков вместе с семьями <...>. Здесь мы имеем перед собой миллионы капиталистов, которых мы поставили задачей ликвидировать»³⁴.

Нагнетание ненависти не просто формировало атмосферу априорного восприятия всех «кулаков» с их семьями как «врагов социализма» и «капиталистов», объединявшую и деревенские «низы», и партийно-советскую номенклатуру, но и блокировало всякие острожные рациональные рассуждения, как это пытался сделать Нусинов, о том, что после полной экспроприации имущества и высылки «кулацких семей» власти предстоит взять на себя бремя ответственности за устройство, содержание («обязательство кормить их») и использование труда ссыльных, т.е. в новой ситуации организовывать вовлечение их в производство, менять свое отношение к ним, а, следовательно, и меняться самим. Прерогатива рассуждений о том, «куда деть кулака?», принадлежала, естественно, краевым органам, а не окружному звену, и если Эйхе говорил об общем направлении (тяжелые и простые работы, типа лесозаготовок), то упомянутый выше Воронин высказывался более предметно и жестко в духе «эксплуатировать эксплуататоров». В его выступлении содержалось ядро обсуждений данной проблемы в узком кругу: «кулак должен делать, что мы его заставим делать»; в крае громадный дефицит рабочих рук (нехватка в 136 тыс. чел.), особенно для грубых физических работ, в т.ч. для развертывания строительства необходимо до 70 тыс. чел на земляные работы, 45 тыс. для лесосплава, для железнодорожного строительства Томско-Енисейской ветки до 15 тыс.

Примечательно, что Воронин предостерегал окружных руководителей от чисто мобилизационного, распределительного решения «разверсточного типа» в организации высылки экспроприированных хозяйств: «Здесь мало расписывать так: на такую-то дорогу прикрепляется такой-то округ, столько-то кулаков немедленно направляйте сюда; такой-то округ прикреплен к такому-то лесосплаву, благоволяйте прислать сюда и т.д. Ведь для того, чтобы прокормить, скажем, 50 тысяч, помноженные на 7, скажем, 350 тысяч, – ведь к этому надо подготовиться. Если бы мы немедленно взялись за это, не подготовившись, конечно, мы бы имели большой ляпсус»³⁵. Однако он сам в основном рассуждал о том, что следует организовать работу так, чтобы «кулака использовать».

31 января, при завершении совещания и перед принятием резолюции по обсуждавшимся вопросам Эйхе предоставил слово В.Н. Гарину, зам. полпреда ОГПУ Сибкрая (сам полпред Л.М. Заковский находился в Москве, где в центральном аппарате ОГПУ решались вопросы организации операции по высылке «кулаков» в масштабах страны). Гарин, в отличие от

³² Коллективизация сибирской деревни... С. 175.

³³ Там же. С. 138.

³⁴ Там же. С. 167.

³⁵ Там же. С. 138–140.

партийцев и без идеологического контекста, представил сухую информацию о нарастании протестов в деревне, о предпринятых к началу 1930 г. арестах «кулаков», остановившись на том, что предусматривается на тот момент по организации будущей массовой высылки репрессированных семей. Из информации следовало, что по данным налогообложения, индивидуально обложенных хозяйств в Сибири – около 55 тыс., в них – 346,4 тыс. чел. Из районов сплошной коллективизации намечалось выслать до 20 тыс. хозяйств. Для их размещения намечены необжитые территории: основную часть – в бассейн р. Васюган Томского округа, а также в отдаленные районы Красноярского, Канского, Ачинского и Иркутского округов. При этом Гарин обозначил и сроки, в которые следует провести данную операцию, отметив, что в случае задержки с переброской в места ссылки возникнут трудности: «Если мы в течение 2-х месяцев не забросим их, придется их содержать, а для этого у нас никаких возможностей не имеется <...>. Факт тот, что уже сейчас надо принять практические меры в виде постройки бараков и всякого обеспечения, обозов для передвижения и проч.»³⁶

Поскольку на момент принятия резолюции в крайком уже поступило по секретным каналам постановление ЦК партии от 30 января 1930 г., то в нее были включены основные положения данной партийной директивы с дополнениями мер сибирской организации по ее выполнению. Решение Сибкрайкома партии, разосланное на места в секретном порядке 2 февраля, предусматривало в т.ч. ряд чисто мобилизационных мер, связанных с посылкой в деревню для осуществления «коллективизации и экспроприации кулачества» не менее 6 тыс. городских коммунистов; помимо этого, была организована по линии профсоюзов посылка в деревню «рабочих бригад из лучших, наиболее классово выдержанных, не подверженных крестьянским настроениям беспартийных рабочих». При достаточно подробной инструкции о том, как проводить конфискацию имущества и денежных средств хозяйств, отнесенных к «кулацким», с перечислением того, что оставлять в этих хозяйствах. Однако последнее делалось в достаточно неопределенных выражениях, которые могли на местах трактоваться весьма произвольно: «Должны быть оставлены лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте и необходимый на первое время минимум продовольственных запасов». Допускалось, что при конфискации денежных средств семьям «кулаков» они могли оставить себе до 500 руб. «для проезда и устройства на месте»³⁷. Очевидно, что такого рода установки содержали в себе широкие возможности для произвола в отношении высылаемых из мест проживания семей как в отношении одежды и домашней утвари, так и инвентаря, пригодного для работы в местах ссылки, оставшихся неизвестными для них. Что касается денежных средств, то не было гарантий, что при их конфискации у высылаемых вообще что-либо могло оставаться.

Таким образом, подводя итог двухдневного совещания секретарей окружкомов партии Сибири резолюция, фактически «приземлившая» ликвидационную операцию в деревне на местную почву, выразила именно мобилизационную ее составляющую, основанную на подходе не просто «ввязывания в бой», но и при осуществлении директивы Центра со спущенными оттуда «контрольными цифрами» и «категорийностью» «кулачества» действовать жестко, не останавливаясь перед применением насилия в отношении «кулаков» и членов их семей. Фундаментом «чрезвычайщины» выступало то, что переставали действовать прописанные в законодательстве меры экономического и судебного порядков в отношении «кулаков», и далее события перемещались в неправовое поле, где действовали секретные установки и инструкции, которые позволяли их осуществлять любыми средствами. Возникало противоречие: даже если в секретных директивах была процедурно прописана технология насильственных действий, то практическое ее применение осуществлялось исполнителями – от номенклатурных работников до групп бедноты и «актива» на местах, т.е. роль важнейшего фактора начинал играть поведенческий.

³⁶ Коллективизация сибирской деревни... С. 189–190.

³⁷ Там же. С. 208.

В постановлении ЦК партии от 30 января 1930 г., согласно первоначальной разрядке, органам Сибири предстояло принять и расселить треть прибывавших из других регионов страны (50 тыс. из 150 тыс. семей). Помимо этого, сибирскому руководству предстояло осуществить свою, внутреннюю операцию в отношении 30 тыс. «кулацких» семей, отнесенных ко второй категории (высылке в отдаленные, необжитые территории края), что же касается третьей категории (внутриокружное расселение), то оно должно было коснуться 50 тыс. семей. В то же время в директиве Центра выражалась некоторая осторожность, допускавшая определенные коррективы, вариативность в осуществлении высылки в силу их масштабности и краткосрочности. Так, определяя размеры и сроки высылки в 150 тыс. семей (вторая категория) и необходимость завершить саму операцию к середине апреля, в директиве отмечалось, что необходимо к данному сроку осуществить высылку хотя бы половины указанного количества. Более того, отдельным пунктом указывалось: «Члены семей высылаемых и заключенных в концлагеря кулаков, могут, *при их желании и с согласия местных райисполкомов, остаться временно или постоянно в прежнем районе (округе)*» (выделено нами. – С. К.)³⁸.

В секретном постановлении Сибкрайисполкома от 12 февраля 1930 г. данный пункт нашел отражение в несколько измененном виде: «Отдельные члены семей высылаемых кулаков [в отдаленные места] могут оставаться по их желанию на месте при условии соответствующей характеристики этих лиц группами бедноты и в каждом отдельном случае с разрешения райисполкома»³⁹. Обращает на себя внимание тот факт, что единственная во всем громадном массиве карательной документации возможность учета желания «членов семей кулаков», т.е. шанс остаться в местах своего проживания после экспроприации хозяйства, была фактически обставлена условиями, заведомо невыполнимыми в складывавшейся ситуации (коллективное заступничество бедноты, решение в каждом конкретном случае отдавалось районному руководству).

Однако последовавшая за этим во второй половине февраля депортационная кампания внесла весьма значительные коррективы, вынудив местные органы действовать в условиях невозможности «протолкнуть» тысячи семей в таежные, необжитые территории, и тем самым признать допустимость оставить в районах своего проживания членов семей, чьи хозяйства подверглись экспроприации, но сами они не были высланы в необжитые местности края. 1 марта 1930 г. в дополнение к своему постановлению от 12 февраля Сибкрайисполком отмечал, что допустимо их приравнивание к тем, кто должен быть отнесен к категории расселяемых внутри округов или даже оставлен в своих поселках в силу следующих причин: необеспеченность их необходимыми фондами и продовольствием для высылки на север; оставленные на местах распоряжением местных райисполкомов «как не представляющие особой социальной опасности»; нетрудоспособные и больные члены семьи⁴⁰. Среди трех обозначенных в скорректированном постановлении краевых органов категорий очевидно, что первая из них оказывалась продиктованной не «гуманностью» органов власти, а вынужденностью, связанной с неготовностью (или даже нежеланием) обеспечить запланированные высылки материальными, финансовыми и другими ресурсами; вторая зиждилась на зыбкой основе определения опасности/безопасности тех или иных членов семей, подвергшихся экспроприации хозяйств; третья предположительно связывалась с тем, чтобы не «обременять» высылку очевидно не способными к выживанию в условиях ссылки членами семьи, которых в сложившихся условиях брали на иждивение родственники.

Из приведенного выше следует, что сама по себе операция высылки крестьянских семей из мест их проживания в необжитые территории выявляла, едва начавшись, в дальнейшем свои внутренне присущие ей просчеты, проистекавшие из неготовности, неспособности и нежелания органов власти различных уровней и ведомственной принадлежности решать в намеченном формате, как оказалось, сложную и многоаспектную «кулацкую» проблему. С точки зрения классической социологии, в модели любого социального действия присутствуют такие обязательные элементы, как мотивы целеполагания, программа действий,

³⁸ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 127.

³⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 42.

⁴⁰ Там же. С. 51.

связанная с обеспечением ресурсами и средствами достижения цели, и полученный, достигнутый результат. В рассматриваемом случае депортационные действия власти в отношении крестьянства важно проинтерпретировать в контексте подхода, предложенного известным американским социологом Р.К. Мертон, как изучение причин возникновения «непреднамеренных последствий преднамеренного социального действия». В частности, он выделяет четыре фактора, приводящих к такого рода непреднамеренному результату: новизна проблемы; ошибки при оценке ситуации; «императивность ближайшего интереса» («здесь и сейчас»); выход действий за пределы той области/сферы, для которой они предназначались⁴¹. В депортационной кампании проявилось действие всех четырех факторов.

Согласно статистике, которую вели централизованно органы ОГПУ, функционально выполнявшие операцию по высылке крестьянских семей, которые были отнесены ко «второй категории», т.е. выселены за пределы регионов своего прежнего проживания в северном и восточном направлениях, к началу мая 1930 г. (а для Урала и Сибири учитывались и внутрирегиональные депортации на необжитые территории) в комендатурах оказалось примерно 100 тыс. семей, что вместе с т.н. одиночками дало общую цифру в 500 тыс. чел.⁴² В Сибири данная операция по ее завершении выразилась цифрами высылки «из Сибири в Сибирь» 16 тыс. семей (83 тыс. чел.). Поскольку сама депортационная операция являлась результатом более длительного процесса, включавшего в себя целую серию мер административного, финансового и репрессивного «удара по кулаку», протекавшего несколько месяцев, то в итоговом докладе полпредства ОГПУ Сибкрая, направленном в Центр 25 апреля 1930 г., этому была посвящена общая таблица, в которой оказались сведены различные формы «раскулачивания» (табл. 1).

Таблица 1

«Раскулачивание» в крае*

на конец апреля 1930 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Наимен. округов	Кол-во кулацких хозяйств в округе	Фактически раскулачено						Бежавших	
		Из них						с семьями	без семей
		Всего	по пятикратке	по суд. реш.	в порядке посл. меропр.	самоликв.	по проч. прич.		
Омский	12 170	8 430	1 893	2 316	2 747	942	532	635	929
Славгор.	4 876	4 731	897	1 232	1 236	1 206	160	801	515
Барабин.	4 732	3 548	1 103	672	1 529	280	—	41	202
Новосиб.	5 691	4 768	545	364	2 587	169	1 103	365	415
Каменск.	4 433	3 357	697	299	1 212	270	879	357	452
Барнаул.	7 507	6 370	1 105	1 364	2 908	368	625	591	745
Бийский	8 300	5 594	1 978	395	3 085	85	51	39	63
Рубцовск.	5 204	5 017	2 645	185	2 102	85	—	117	243
Томский	2 961	984	172	408	310	72	22	79	300
Кузнецк.	2 097	2 357	1 483	197	569	108	—	196	360
Ачинский	3 082	2 804	974	524	905	88	313	183	29
Минусин.	3 675	2 889	796	797	1 168	128	—	71	162

⁴¹ Мертон Р.К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия / пер. с англ. В. Кузьмина // Социологический журнал, 2009. № 2. С. 5–17.

⁴² Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 424.

Хакасск.	854	848	—	459	389	—	—	1	11
Краснояр.	2 053	1 507	99	100	1 274	29	5	29	69
Канский	3 175	2 573	172	173	2 156	72	—	55	150
Иркутск.	4 739	2 279	59	976	1 138	106	—	56	244
Ойротия	785	1 146	88	167	888	—	5	13	34
<i>Итого:</i>	76 334	59 238	14 706	10 628	26 191	4 008	3 695	3 629	4 923

*ГАО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 103. Л. 65. Заверенная копия.

Представленные ниже, а также в графической форме данные позволяют определить направления, по которым происходила комбинированная «ликвидация кулачества как класса в регионе», начиная с осени 1929 г. Важным направлением «удара» выступала финансовая кампания, связанная с разорением хозяйств, обложенным за невыполнение «индивидуального налогообложения» в пятикратном размере (т.н. «пятикратка»). Вторым направлением выступала конфискация имущества крестьянских хозяйств в судебном порядке, прежде всего, в ходе проведения т.н. «хозполиткампаний» (прежде всего, хлебозаготовительной). Следует обратить внимание на то, что в сумме обе эти операции (финансовая и судебная) давали цифру в 25 тыс. хозяйств, фактически уже подвергнутых экономической экспроприации к моменту начала депортационной операции, что почти совпадало с количеством хозяйств, намеченных к высылке «в порядке последних мероприятий», т.е. после постановления ЦК от 30 января 1930 г. В таблице обозначены своего рода «издержки», которые давали о себе знать с начала 1930 г., – самоликвидация («самораскулачивание») и бегство из мест проживания, демонстрируя корреляцию их между собой: «самораскулачивание», как правило, означало последующее бегство крестьянских семей, пресечь которое не удавалось. В таблице достаточно наглядно отражено, что наиболее масштабное «раскулачивание» протекало в округах с более развитым земледелием и животноводством (Омский и округа Алтая), определявших для Сибири в проведении «сплошной коллективизации». Примыкавший к ним по масштабам репрессий Новосибирский округ «зачищался» как прилегающий к краевому центру рис. 1, 2.

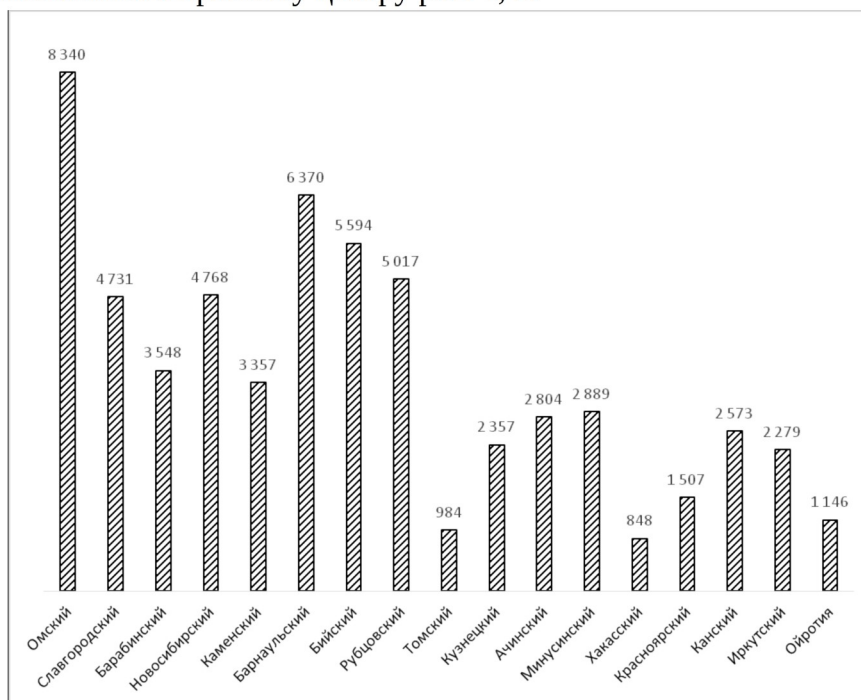

Рис. 1. Фактическое количество «раскулаченных» хозяйств по округам Сибири, включая самоликвидацию и другие причины.

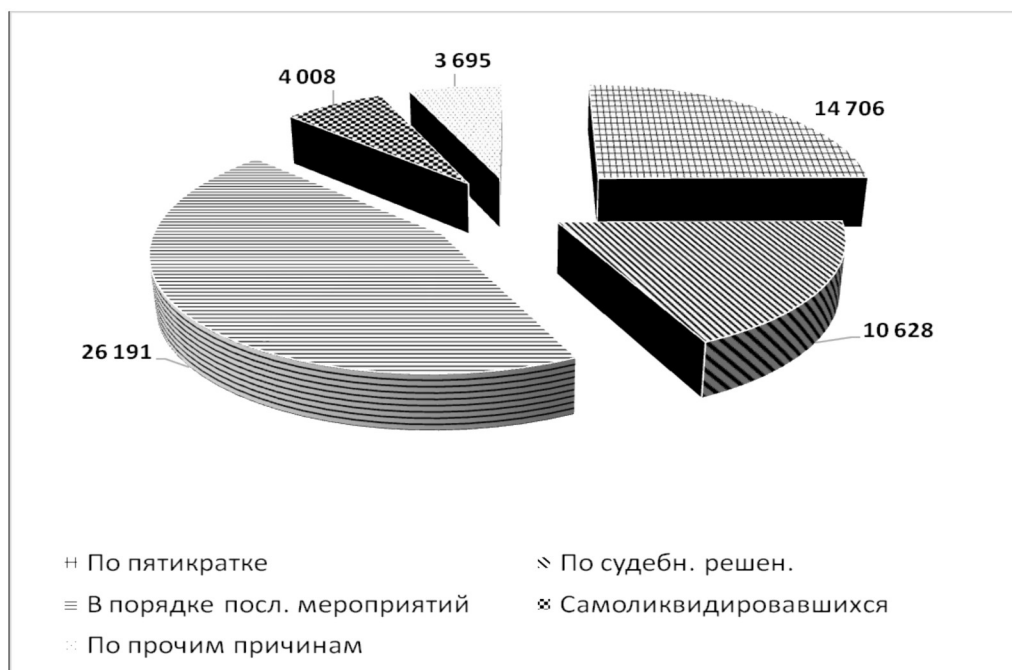

Рис. 2. Характер «раскулачивания» (всего по округам).

В табл. 2 и на рис. 3, 4 отражена чекистская статистика того, сколько семей подверглись высылке их округов Сибири за период с февраля по апрель 1930 г. с учетом данных о половозрастном составе депортированных.

Таблица 2

«Выселение кулацких хозяйств 2-й категории в крае»*

На конец апреля 1930 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ ПП	Наименование округа	Контр. цифра по выселен. 2-й категории, установлен. краем	Фактически выселено					
			всего семей	% выполнения контрольной цифры	Из них			
					мужч. старше 18 лет	женщ. старше 18 лет	детей до 18-летн. возр.	Всего людей
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Омский	4 630	3 176	68	3 412	3 448	4 563	11 423
2	Славгородский	2 916	1 097	37	984	1 546	3 032	5 562
3	Барнабинский	1 532	1 371	89	2 180	2 182	3 243	7 605
4	Новосибирский	2 964	501	17	780	735	825	2 340
5	Барнаульский	3 291	1 617	50	1 958	2 751	4 234	8 943

6	Бийский	2 727	1 899	69	3 250	3 610	5 708	12 568
7	Рубцов- ский	2 702	1 667	61	2 477	2 551	5 539	10 467
8	Томский	1 022	255	22	291	262	431	984
9	Кузнецкий	725	632	87	857	794	1 089	2 740
10	Ачинский	848	447	52	780	832	2 309	3 921
11	Мину- синский	703	679	96	969	1 003	1 492	3 464
12	Хакасский	354	354	100	548	555	858	1 961
13	Краснояр- ский	857	426	50	566	702	899	2 167
14	Канский	1 218	858	70	683	990	1 901	3 574
15	Иркутский	1 264	298	23	413	330	654	1 397
16	Ойротия	309	236	76	296	347	544	1 187
17	Каменский	1 938	512	26	821	843	955	2 619
	<i>Итого:</i>	30 000	16 025	53,4	21 265	23 381	38 276	82 922

* ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 103. Л. 66. Заверенная копия.

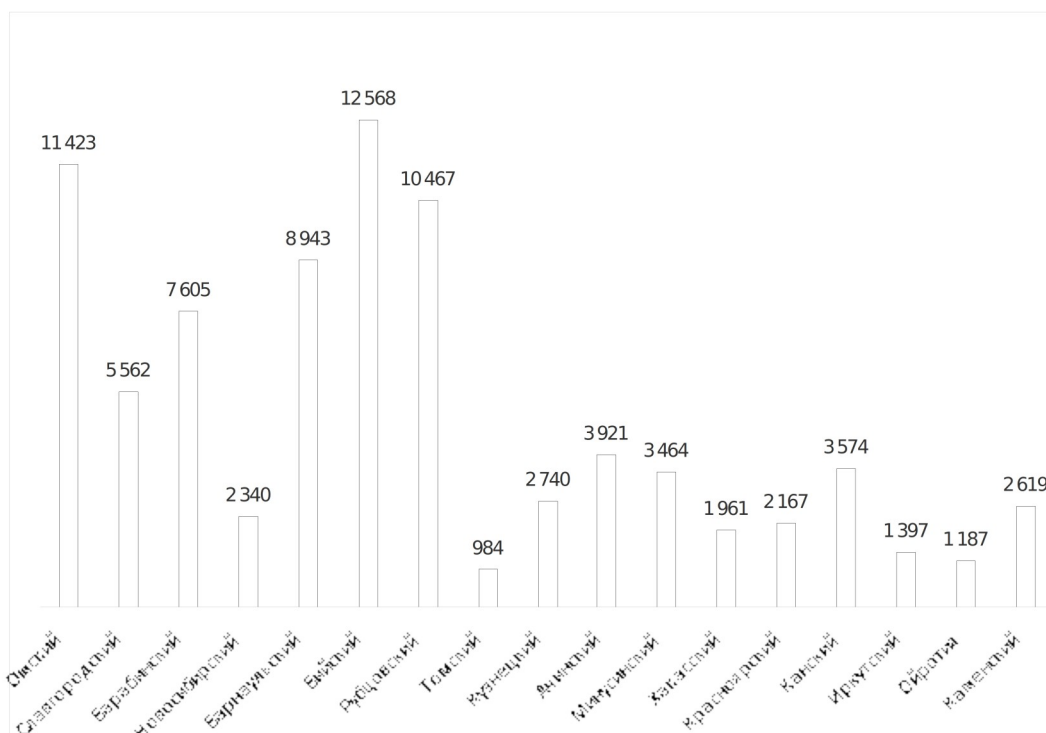

Рис. 3. Соотношение количества выселенных по округам, всего чел.

Из данных табл. 2 очевидно, что при контрольных цифрах, определенных Центром сибирским органам, по высылке хозяйств в отдаленные местности в 30 тыс. семей, фактически оказались высланными чуть более 16 тыс. из них, или 53,4 %, при этом доля высланных в сравнении с плановыми цифрами по отдельным районам значительно разнилась – от 17 % (Новосибирский округ) до Минусинского округа и Хакассии (96 и 100 %, соответственно). Безусловно, сама высылка в необжитые места предусматривала концентрацию семей с

подвозкой по железной дороге к пункту разгрузки и дальнейшие перевозки гужом по зимним дорогам. В различных округах ситуация поэтому складывалась различным образом, но главным фактором выступал погодный – депортацию следовало завершить до распутицы и вскрытия рек. Однако помимо влияния сезонного фактора следует выявить причины того, что «рукотворным образом» повлияло на срыв краевого сибирского плана депортации в феврале-марте 1930 г.

Достаточно развернутое объяснение тем самым «непреднамеренным последствиям» осуществления на практике депортационной операции содержится в упомянутой выше итоговой докладной записке полпредства ОГПУ в Центр. Чекисты, будучи ответственными за «изъятие кулаков» и концентрацию и проверку высланных на контрольно-пропускных пунктах, в меньшей мере отвечали за их транспортную перевозку, контролируя прежде всего железнодорожные перевозки, тогда как гужевые перевозки высланных и их сопровождение ложились на милицию и советские органы (окрисполкомы), поэтому все «сбои» высылки можно было прагматично объяснять тем, что последние порождались действиями местных партийных и государственных органов, окружных и районных. Исходной точкой всех последующих проблем чекистами была названа начавшаяся еще за две недели до получения директивы из Центра исходившая от батрацко-бедняцкого актива «волна стихийного раскулачивания». Не имея четких установок, не только низовые парт-организации, но и районное партийно-советское звено оказались сами участниками стихийного действия низов, «превратив его в стимул коллективизации», сопровождавшийся эксцессами, «границившими с грабительством», ставший «пугалом для принудительного загона в колхозы середняка». Даже при получении четких директив о введении кампании в правильное русло «у ряда районных работников, особенно низовых, сложилось мнение, что выселение в данное время кулачества является началом их физического уничтожения». Так «волна стихийного раскулачивания» переросла в «волну перегибов», инициируемую и поощряемую самой местной номенклатурой⁴³.

Согласно чекистской информации, в дальнейшем реализация разработанного ОГПУ плана высылки (откуда, кого, как и куда высылать) с определением ее начала высылкой семей из районов края с 25 февраля и завершением ее к 15 марта, столкнулась «с рядом различных тормозов», приведших к срыву намеченного плана и необходимости его корректировки. Основным «тормозом» чекисты определяли отсутствие у высылаемых семей необходимого т.н. натурфонда (по постановлению краевых органов, собирательное название всего – от простейшего инвентаря до фуража для лошадей, – без чего высылка не могла быть произведена; запасы необходимого продовольствия учитывались отдельно), который, по плану, должны были обеспечить местные органы, проводившие экспроприацию хозяйств. Между тем в ходе «раскулачивания» практиковалось полное изъятие «кулацкого имущества», которое «в значительном количестве растаскивалось и разбазаривалось по дешевым ценам с торгов не только колхозам и коммунаам, но и единоличным хозяйствам». Данным обстоятельством пользовались как весомым аргументом окружные руководители, заявляя, что «собрать требуемый натурфонд невозможно». Выход из данной ситуации чекистами был найден достаточно простой: на сборных пунктах сотрудники ОГПУ не принимали поступающие из районов обозы с семьями высылаемых, если они отправлялись без необходимого натурфонда. Однако, хотя эта мера оказалась результативной, и округа в итоге «раскачались», но время было упущено, а в Славгородском округе «уже наступившая распутица не позволила отправить выселяемых» (из намеченных к высылке почти 3 тыс. хозяйств были отправлены только 130)⁴⁴. Но даже имевшийся в наличии натурфонд, выделенный районами для высылаемых, оказывался в немалой части полупригодным или вовсе не пригодным для хозяйственного использования.

Разработанный чекистами с участием краевых органов план операции предусматривал решение двух взаимосвязанных между собой задач – экономической (направить «кулаков» в

⁴³ Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 86.

⁴⁴ Там же. С. 91–96.

места, пригодные для проживания и занятия сельским хозяйством по почвенным и климатическим условиям, и при этом с богатыми природными ресурсами для их разработки (лесозаготовки, рыбные и другие промыслы)) и режимно-охранительной (отдаленность территорий, затрудняющая побег). Но именно «тормозы» с высылкой не позволили до весенней распутицы вывезти на намеченные территории основную часть «кулаков», вынудив оставить их в местах, примыкавших к обжитым районам округов и не столь перспективных для освоения. Поэтому, как считали чекисты, «недочеты» высылки следует учесть при доведении операции до успешного результата.

Были провальными все предпринимавшиеся краевыми органами попытки связать высылку с интересами расположенных в Сибири крупных хозяйственных ведомств (Комсеверопуть, Лестрест и др.), явно испытывавших дефицит в рабочей силе, для того, чтобы задействовать на работе у них «оседающего за необеспеченностью местами натурфондами количества невыполненного по плану выселения 2-й категории кулацкого элемента <...>. Последние от приема более или менее значительного количества выселяемых кулацких хозяйств категорически отказались, мотивируя напряженностью бюджета, невозможностью до будущей зимы использовать выселяемых, трудностью и затратой больших средств по переброске (особенно семей) к месту расселения и т.д.»⁴⁵ Переговоры с хозорганизациями неизменно заходили в тупик, поскольку те охотно соглашались принять трудоспособных мужчин («одиночек») без семей. С громадными усилиями удалось передать на лесозаготовки Сиблестресту около 3,5 тыс. хозяйств. Чекисты эмоционально оценивали подобную позицию как «двурушничество», поскольку на полпредство ОГПУ возлагалась ответственность довести операцию до фазы «трудоиспользования» выселенных семей⁴⁶.

Высылка семьями, носившая поголовный в прямом смысле это слова характер, также считалась чекистским руководством «осложнявшим» ход операции обстоятельством: «<...> места отправляли на сборпункты значительное количество дряхлых стариков, больных, инвалидов, беременных женщин, женщин с грудными детьми и большой процент молодняка (малолетних детей. – С. К.), коих приходилось отсеивать, возвращать к месту жительства, а, следовательно, выделять на них обратно и фонды». Далее чекисты приводили «на выдержку» данные по эшелону, прибывшему в Томск из Барнаула 11 марта 1930 г.: «Состав эшелона: 140 хозяйств, общее количество людей 1162 чел, из коих мужчин 256 чел., из коих стариков 85, женщин 330, из коих женщин с грудными детьми 103 и беременных 17 и молодняка вместе с детьми 576»⁴⁷.

Сказанное подтверждается сведениями по округам о половозрастной структуре высланных семей, свидетельствующими о том, что в большинстве округов к моменту высылки уже был нарушен баланс между взрослым мужским и женским составом в них. Здесь существовала очевидная связь с интенсивными арестами глав семей, а также бегством части из них до арестов и высылки (рис. 4)

⁴⁵ Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 97.

⁴⁶ Там же. С. 98.

⁴⁷ Там же.

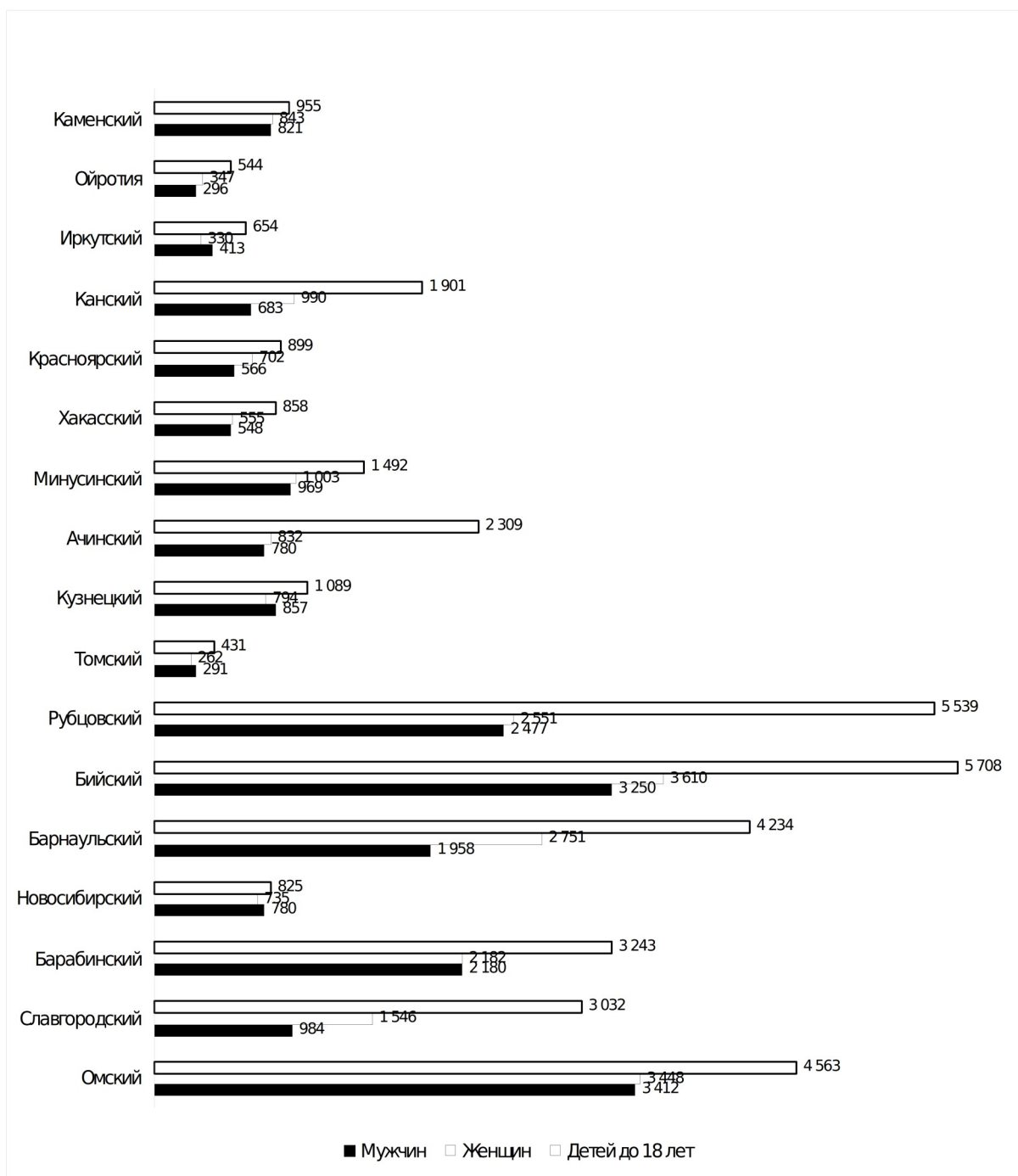

Рис. 4. Половозрастной состав выселенных по округам, чел.

Итог докладной записки содержал достаточно критическую и даже пессимистическую оценку результатов и очевидно выявившихся «нежелательных» для власти последствий «раскулачивания» в Сибири: «К моменту экспроприации в крае насчитывалось около 100 000 кулацких хозяйств (из которых 76 710 явно кулацких хозяйств, обложенных индивидуально), из которых до 60 000 подверглись фактическому раскулачиванию. Из 30 000 хозяйств, подлежащих высылке на север в порядке 2-й категории, благодаря целому ряду вышеуказанных причин выселено лишь 16 025 хозяйств. Расселение кулачества 3-й категории <...>, затянувшись до распутицы, было вынужденно СКиКом отложено в связи с наступлением весеннего сева.

Таким образом, суммарно мы имеем до 60 000 кулацких хозяйств, оставшихся на месте, сейчас экономически разоренных и неустроенных, озлобленных, представляющих собой в целом готовый материал для всякого контрреволюционного движения <...>. Все это несомненно усиливает стимул к новым бандформированиям кулачества и возникновению

контрреволюционных организаций, а в целом к значительному и без того не совсем благополучному осложнению политнастроения в деревне»⁴⁸.

Данная записка полпреда ОГПУ примечательна тем, что информация и содержащиеся в ней оценки действиям структур, отвечавших за сопровождение и обеспечение карательной депортационной операции в сибирской деревне в феврале-марте 1930 г. достаточно реалистично отражали ситуацию с подготовкой и проведением самой высылки. Чекисты были реалистами и в предвидении последствий незавершенной депортации 1930 г. (высокая смертность в местах размещения высланных семей, значительные масштабы побегов из спецпоселков, сохранение протестных настроений и выступлений крестьян в «коллективизированной» деревне. Определенные уроки властные органы из просчетов 1930 г. извлекли: высылка в зимнее время была признана нерациональной и требовавшей значительных затрат на ее проведение, поэтому депортация в Сибири в 1931 г. почти 45 тыс. семей проводилась в летнее время, при этом комбинировались железнодорожные перевозки с речными и сводились к минимуму оказавшиеся сверхзатратными гужевые перевозки. В 1931 г. ОГПУ обладала полным контролем и над всем технологическим циклом осуществления «раскулачивания» от высылки до управления комендатурами. Для «правильной» эксплуатации труда способных к этому спецпереселенцев заключались т.н. генеральные и локальные договоры ОГПУ с хозяйственными организациями. Однако даже невзирая на эти предпринимаемые меры для минимизации затрат, и в 1931 г., после осуществления операции по вселению крестьянских семей в спецпоселки, в них продолжались в не меньших масштабах, в сравнении с 1930 г. громадная смертность и масштабные побег. Тем самым, главная мысль организаторов депортации и создания системы спецпоселений о том, что директива «ликвидации кулачества как класса» верна, но она недостаточно четко реализовывалась («плохие исполнители»), опровергалась самой практикой высылки и форм эксплуатации труда спецпереселенцев в 1930-е гг. Следовательно порочной и преступной по отношению к репрессированному крестьянству оказывалась сама директива сталинского руководства.

Литература

Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание / ред. С.А. Красильников. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007. 358 с.

Коллективизация сибирской деревни. Январь – май 1930 г.: сб. док-тов. Новосибирск. Ин-т истории СО РАН, 2009. 488 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Госполитиздат, 1953. Ч. II. 1925–1953. 1204 с.

Мертон Р.К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия / пер. с англ. В. Кузьмина // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2-х кн. Кн. 1. М.: РОССПЭН. 2005. 912 с.; кн. 2. М.: РОССПЭН. 2006. 1120 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г.: сб. док-ов. Новосибирск: ВО «Наука». 1992. 283 с.

Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11. М.: ОГИЗ, 1939. 612 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы. 1927–1939: в 5 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. 927 с.

⁴⁸ Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 117.

References

(2009). Kollektivizatsiya sibirskoy derevni. Yanvar' – aprel' 1930 g. [The collectivization of Siberian villages. 1930, January – April. Collection of documents]. Novosibirsk, In-t istorii SO RAN. 488 p.

(1953). Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh syezdov, konferentsiy i plenumov TsK [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Moscow, Gospolitizdat. Part II. 1925–1953. 1204 p.

Krasilnikov, S.A. (Ed.) (2007). *Vostochnyy vektor peresel'encheskoy politiki v SSSR. Konets 1920-kh – konets 1930-kh gg.* [Eastern vector of migration policy in the USSR. The end of the 1920s – the end of the 1930s]. Documentary scientific publication. Novosibirsk, Sibirskoye nauchnoye izdatel'stvo. 358 p.

Merton, R.K. (2009). Neprednamerennnye posl'edstviya prednamerennogo sotsial'nogo deystviya [The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action]. Translator: V. Kuzminov. In *Sotsiologicheskiy zhurnal*. No. 2, pp. 5–17.

Politbyuro i krestyanstvo: vysylka, spetsosel'eniye. 1930–1940 [Politburo and peasantry: deportation, special settlement. 1930–1940.]. In 2 vols. Vol. 1. (2005). Moscow, ROSSPEN. 912 p.; vol. 2. (2006). Moscow, ROSSPEN. 1120 p.

(1992). Spetsperesel'entsy v Zapadnoy Sibiri. 1930 – vesna 1931 g. [Special settlers in Western Siberia. 1930 – spring 1931. Collection of documents]. Novosibirsk, VO "Nauka". 283 p.

Stalin, I.V. (1939). *Voprosy leninizma* [The Questions of Leninism]. 11th edition. Moscow, OGIZ. 612 p.

(2000). Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. Dokumenty i materialy. 1927–1939 [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dekulakization. Documents and materials. 1927–1939]. In 5 vols: Vol. 2. November 1929 – December 1930. Moscow, ROSSPEN. 927 p.

Статья поступила в редакцию 28.06.2020 г.